

АННА ДАНИЛОВА

DA

КОГДА ОСТАНОВИТСЯ СЕРДЦЕ

Психологический детектив

Эффект мотылька. Детективы Анны
Даниловой. Новое оформление

Анна Данилова

Когда остановится сердце

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А. В.

Когда остановится сердце / А. В. Данилова — «Эксмо»,
2023 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой. Новое
оформление)

ISBN 978-5-04-194681-4

Казалось бы, у известной киноактрисы Людмилы Дунай множество поклонников, и она купается в любви. Но лишь некоторые догадываются, что в жизни Людмилы нет ничего, кроме работы... Муж предал, дочь отвернулась. Судьба приготовила ей новое испытание... Однажды Людмила приходит в себя в загородном доме подруги с ножом в руке. А рядом – мертвые тела хозяйки дома, приятеля и банкира Щекина, который приехал увидеться с Дунай, так как влюбился в нее без памяти... Новое оформление. Любовно-криминальные романы с элементами эротики признанного мастера психологического детектива Анны Даниловой. Суммарный тираж книг Анны Даниловой – более 5 миллиона экземпляров!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194681-4

© Данилова А. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

1. 2010 г. Григорий, Ольга Дунай	6
2. 2005 г. Людмила	13
3. 2010 г. Лиза и Глафира	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Васильевна Данилова

Когда остановится сердце

© Дубчак А.В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все события, происходящие в романе, вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми случайно.

1. 2010 г. Григорий, Ольга Дунай

– Ты не истери, сядь, успокойся, выпей, наконец, холодной воды... Ну и что, что не тебе дали эту роль? Ты прекрасно знала, какой жизнью живут актрисы, сама выбрала себе свой путь, сама видела, что не всегда у твоей матери было все гладко, представляешь себе, каково это – быть невестребованной... в начале карьеры... Но меня-то ты, обыкновенного строителя, не послушала, погналась за славой, захотела стать такой же, как твоя мать, – богатой и знаменитой, и что в конце получила? Сплошное разочарование... Между прочим, смею тебе напомнить, что не все еще потеряно! И ты можешь еще поступить в любой технический или гуманитарный вуз...

– Па!!! – Оля швырнула в него одну из десяти разложенных на кровати юбок. Плиссе, гофре, отделанные кружевом, короткие джинсовые, длинные шелковые, пышные шифоновые, всех цветов радуги...

Это был уже не первый разговор отца с дочерью, но на этот раз он проходил особенно нервно и как-то серьезно. Конечно, тот факт, что дочке в ее двадцать с небольшим не дали роль, о которой она грезила, не смертельный. С ее-то внешними данными и талантом, который она унаследовала от матери, у нее еще будут роли. Но вот почему-то именно сейчас Григорий стал замечать, как Оля просто на глазах начинает превращаться в маленького капризного монстра, которому надо подать все и сразу.

– Пойми, ты уже взрослая и моих денег все равно не хватит на то, чтобы тебе дали главную роль... Я имею в виду, что я не в состоянии стать спонсором какого-нибудь фильма, чтобы иметь право ставить условия... Возможно, на будущий год у меня и появятся лишние деньги, которые я смог бы вложить в какой-нибудь кинематографический проект. Но только не сейчас.

– Конечно, ты же купил своей новой жене дом в Испании, откуда же у тебя возьмутся деньги?!

– Во-первых, сейчас дома в Испании подешевели, и эта цена по сравнению со стоимостью фильма просто смехотворна. Во-вторых, не забывай, что только благодаря ее отцу я получил эту строительную фирму... Не знаю, как ты, но я очень благодарен Ксении за все, что они с отцом для нас сделали. Оля, еще раз прошу тебя, одумайся, успокойся. Вот увидишь, пройдет еще немного времени и какой-нибудь режиссер или продюсер, который случайно увидит несколько кадров того, первого сериала с твоим участием, заметит, вернее, вспомнит тебя и сразу же позвонит. К тому же ты не забывай, что и у режиссеров и продюсеров есть какие-то свои личные пристрастия, симпатии, наконец, любовницы среди актрис. Ты же не маленькая девочка, ты должна все понимать.

– Хочешь сказать, что моя мама спала с режиссерами фильмов, в которых она снималась? – Глаза дочери блеснули холодным блеском презрения, и Григорию снова стало не по себе.

– Оля, не передергивай. Ничего такого я не думаю. Твоя мама была очень одаренной актрисой, и многие фильмы снимались именно под нее, ты это прекрасно знаешь. Поэтому ей не надо было спать, как ты выражаешься, ни с кем... Она была звездой.

– Пап, но я ведь – точная ее копия, и играю я не хуже, тогда почему меня не зовут? Не приглашают? Играть в театре – это, конечно, неплохо, но мне никто не даст там главную роль, понимаешь? Никто. Я так и буду там постоянно играть служанок или девушек из толпы. И вообще, в кино-то прославиться легче, согласишься. Экран – это такая волшебная вещь... Люди смотрят на тебя, и им кажется, что они тебя знают давно и что ты для них – близкий человек.

Оля вздохнула. Тряхнула своими темными кудрями и подняла на отца ясные карие глаза с черными точками зрачков. Григорий вдруг почувствовал себя как-то нехорошо, словно на

него взглянула Людмила, его погибшая жена, – настолько они с дочерью действительно были похожи.

– Приведи в порядок комнату, а заодно и мозги, – посоветовал он ей. – И не переживай так. Вот увидишь, все образуется. И постарайся не заикливаться на том, что вы с мамой похожи. Не надо. Иди своей дорогой, ищи свои роли и не старайся на нее походить в манере играть...

Он знал, что говорил. Ольга целыми днями смотрела фильмы с участием матери, весьма эмоционально комментировала ее игру, то восхищаясь, то откровенно насмехаясь над отдельными сценами, что выводило его из себя. Словно она и теперь, после смерти матери, продолжает ревновать к ее, как ей тогда казалось, успешной судьбе. Иногда ему так и хотелось ей сказать: «Оля, не оглядывайся на мать, ты же знаешь, как она закончила свою жизнь, поэтому иди вперед и думай только о будущем. И играй так, как чувствуешь ты, а не так, как играла бы твоя мать. Ты – другой человек...»

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, – сказала Ольга. – Сравниваешь меня с мамой.

И даже эта фраза была произнесена ею ревностно, как если бы между ними продолжала стоять Людмила. На самом же деле дело было не в ревности, а в другом, более опасном чувстве – Оля попросту завидовала матери даже после ее смерти. Ведь фильмы с ее участием шли постоянно то на одном, то на другом канале, да и эта история в Поварове, которая первые месяцы освещалась в прессе едва ли не каждый день, значительно подогрела интерес зрителей к Людмиле Дунай – роковой красавице, успешной актрисе, погибшей при таких странных обстоятельствах...

Григорий и сам не мог понять, как могло случиться, что он, человек больше всего на свете ценящий душевное спокойствие, женился на женщине, с которой по определению не смог бы прожить и дня без того, чтобы не приревновать. Где были его глаза, когда он делал ей, настоящей красавице и студентке кинематографического вуза, предложение? Разве он тогда не мог предвидеть, каким будет этот брак? И что вокруг молодой жены постоянно будут виться мужчины? Звонки, письма, записочки, опасное ожидание на лестнице в надежде получить автограф... Что она будет часто отсутствовать – репетиции, спектакли, съемки, гастроли, вечеринки? Для кого-то это просто голые слова, а для Григория жизнь с Людмилой была настоящей пыткой и наслаждением одновременно. За счастье обладания красивой девушкой ему приходилось расплачиваться постоянно. Иногда, когда она все же проводила вечер дома, готовила ли ужин или просто играла с кошкой, его охватывало чувство настоящей щенячьей радости, и ему, взрослому мужику, хотелось ходить за ней по пятам или не отпускать ее руку, словом, ему просто необходим был физический контакт, словно он подсознательно всегда боялся, что она вырвет эту самую руку и сбежит от него, растворится в толпе поклонников и никогда к нему, обыкновенному парню, не вернется.

Первые годы их брака они снимали комнату на Цветном бульваре, в старом желтом доме с грязноватыми потеками под крышей, вонючими внутренними дворами с живописными помойками. Когда же на свет появилась Оля (Людмила к тому времени уже успела дважды сняться в кино, где играла главные роли – невесту бандита, ловко маскировавшегося под следователя прокуратуры, и молодую жену лесника, борющегося с браконьерами), перебрались в доставшуюся Григорию от бабки двухкомнатную квартиру на Спортивной, рядом с Новодевичьим монастырем. Григорий работал в строительной фирме, прилично, как ему казалось, зарабатывал, Людмила же все свои гонорары откладывала на трехкомнатную квартиру. Тогда это им, еще молодым и полным сил, казалось самым важным – расширить пространство и переселиться поближе к центру. Именно в это время, когда Людмила была особенно хороша и светилась, казалось, любовью к ней миллионов мужчин, ревность Григория жгла его особенно сильно, почти невыносимо, но и в этой своей боли он все еще находил прелесть обладания красивой и желаемой многими мужчинами женой.

После родов решено было взять няню, поскольку предложения сниматься в кино следовали одно за другим и отказываться от работы было просто глупо. И так получилось, что место жены в доме заняла молоденькая хохлушка Танечка, которая и за ребенком присматривала, и обед готовила, и прибиралась в доме, а спустя пару месяцев стала любовницей Григория. Как же она отличалась от Людмилы! Конечно, она была не так красива, но сносно привлекательна. Если Людмила была высокой стройной шатенкой с золотистыми глазами и сумасшедшим носиком-уточкой, который просто завораживал и делал ее лицо особенно нежным и беззащитно-трогательным, то Татьяна имела круглое румяное лицо, крупные, как у коровы, черные глаза, прямой невзрачный нос и тонкие губы. Крашенные желтые волосы, постриженные под каре, были прямые и блестящие. Невысокая, с широкими бедрами и низкой талией, она тем не менее считала себя невероятной красавицей, а потому голову держала высоко, задрав подбородок, и грудь выпячивала так, что автоматически прибавлялась пара размеров, да и речь у нее была уверенной, как у людей, которые даже под страхом смерти не признаются в том, что на самом деле они все о себе знают и вполне адекватно себя оценивают.

Словом, близость с хозяином, то есть с Григорием, подняла Татьяну в собственных глазах довольно высоко, а потому ей ничего не оставалось, как возомнить себя его любимой женщиной. Ей и в голову не могло прийти, что ее используют по всем пунктам ее женского естества, довольно скромно оценивая ее роль в жизни этой семьи и жизни лично Григория.

Не заметить этот роман было невозможно, и вот в один не прекрасный день Людмила сказала мужу, что догадывается о его связи с няней (тем более что ей всячески стараются подкинуть доказательства; так, к примеру, Татьяна, дура, уже в который раз оставляет в кармане ее, Людмилиного, халата использованные презервативы и трусики).

– Гриша, я все, конечно, понимаю. Но я-то тебе не изменяю, я работаю как лошадь. И ты прекрасно знал, что женишься на актрисе. Если тебе уж так тяжело в течение длительного времени находиться без женщины, то найди себе другую жену, которая поджидала бы тебя дома с борщами и при твоём появлении, еще в прихожей, снимала трусы. Но запомни, дочь я тебе не отдам, она моя, и скорее она будет ездить со мной на съемки, чем я позволю отдать ее на воспитание такой вот украинской шлюхе.

Григорий тогда страшно испугался. Он, тихо и подло изменяя жене, все же надеялся сохранить свою связь в тайне и уж никак не собирался разводиться с женой, нарушать привычный жизненный уклад и тем более расставаться с дочерью! Как же ему удобно было и с Таней, и с Людой, он, пригретый обеими женщинами, намеревался и дальше жить так же, уверенный в своей безнаказанности. Однако он ошибся, полагая, что Татьяна, эта хитрая хохлушка, тщательно прокладывая себе путь в благополучное замужество, ограничится ролью няни-любовницы. Она, оказывается, действовала. Подкладывала улики в хозяйский халат, как мины замедленного действия. И ждала скорейшей развязки. Как поведет себя хозяйка? Что наговорит хозяину? Хлопнет дверью и уйдет, оставив ему квартиру? Мол, забирай себе все, мне ничего не надо, я и сама себе заработаю! Главное, чтобы дочку не оставила. Что ей делать здесь, девчонке – маленькой копии Людмилы, в этом медовом раю, когда она и сама может народить Григорию двоих, а то и троих детишек?

Как же она старалась заменить ему жену, эта Таня. Какие супы и пельмени готовила, какие пекла пироги! А как ухаживала за ним, когда он болел? Разве что рядом не лежала, чтобы забрать часть высокой температуры, выпитая в себя все вирусы!

Пожалуй, она вела себя как влюбленная женщина. Хотя что мешает и стерве прикинуться влюбленной по уши дурой?

Григорий покался перед женой и очень быстро, скомкав тяжелый разговор с любовницей, превратив его в жалкое подобие объяснения, как-то чрезвычайно легко разорвал с ней отношения. Причем зарплату выдал прямо у двери, стараясь не смотреть ей (еще недавно такой

близкой и дорогой, чего уж там!) в глаза. Дверью она хлопнула так, что звук эхом отдался где-то на верхних этажах подъезда.

Людмила же, проглотив это предательство и найдя в себе силы простить мужа, приняла на работу другую няню, причем не старую и страшную, как можно было бы ожидать в данной ситуации, а молоденькую и страшно исполнительную девушку Надю. Из чего Григорий сделал вывод, что жена не особенно все-таки им дорожит, потому что предполагать, что она после всего случившегося станет доверять ему, было бы нелепо.

Однако с Надей романа не было, и слава богу. Григорий все эти годы, что за ним похозяйски присматривала Надя, был ухожен, сыт и с удовольствием следил за карьерой своей жены. Он уже привык к тому, что его все реже и реже приглашают на презентации ее фильмов, не сопровождал он жену и на телевизионные шоу, как это делали мужья других актрис. Нет, он жил своей, немного обособленной и очень семейной жизнью, понимая, что занимает в жизни жены далеко не первое место. Однако он чувствовал, что Людмила так же, как и он, дорожит своей семьей и, пусть видимым, покоем и комфортом. Она не раз говорила ему, что знание того, что дома ее ждут сытые и здоровые муж и дочь, придает ей сил и она может спокойно работать. Ей, как любой нормальной женщине творческой профессии, были нужны няньки, люди, которые выполняли бы за нее дома всю грязную работу, готовили еду, следили, чтобы все ходило чистыми и ухоженными, и не приходилось прилагать к этому никаких усилий. В сущности, это было правильно, если не считать того, что Григорий с каждым годом все больше чувствовал себя той самой нянькой, но никак не любимым мужем. К тому же, хоть между ними и было принято, что он доверяет жене и что не верит сплетням о ее романах (как правило, романы сочинялись журналистами и представляли собой спроецированные в реальную жизнь любовные истории из фильмов, в которых снималась Людмила Дунай), на самом же деле он понимал, что его обманывают, что Людмила изменяет ему если не с режиссером, то с актером, а может, и оператором или осветителем...

В тяжелые минуты одиночества, когда ему хотелось женского тепла и ласки, он готов был уже звонить каким-то своим знакомым из «бывших», но всякий раз, представив себе, куда могут завести их отношения, отказывался от этой затеи. Он слишком дорожил домом, налаженным бытом и душевным состоянием маленькой Оли, любимой и единственной дочери.

Тем не менее они все же развелись. Этот смерч под названием страсть, которая охватила в общем-то инертного и спокойного Григория, разрушил семью, можно сказать, за один день.

Оказавшись (в кои-то веки!) приглашенным на вечеринку в честь приезда одной немецкой актрисы, он целый вечер стоял в сторонке, потягивая ледяное шампанское в обществе стройной блондинки с зелеными глазами, пока не понял, что безумно хочет эту женщину. Что вот хочет сорвать с нее зеленое тонкое платье, впиться губами в ее розовые полные губы и овладеть ею где-нибудь здесь же, в укромном уголке или даже в туалете... Такое с ним случилось второй раз в жизни. Первый раз примерно такие же чувства он испытал к совсем еще юной Людмиле.

Он сначала робко на нее посматривал, наслаждаясь зрелищем прекрасного женского тела, нежного лица и светлых блестящих локонов, потом взгляд его стал более уверенным, а к концу вечера он был просто пьян от любви к этой даме, которую, как он выяснил, звали Ксения. Он был настолько переполнен чувствами, что перестал следить за своей женой, которая в облегающем платье из черного атласа все же исчезла из его поля зрения...

Познакомившись с блондинкой, он мысленно уже сто раз позвал ее с собой в машину, хотя вслух говорил ей какие-то глупые вещи о пузырьках в шампанском или о том, насколько эта актриса, ради которой и собралось все это разодетое в пух и прах общество, хороша даже в свои шестьдесят... Каково же было его удивление, когда блондинка, вдруг перебив его, сказала, отвернувшись от него настолько, чтобы он все же мог услышать ее слова:

– Я жду вас в своей машине... – и назвала номер машины.

За окном лил дождь, улица сверкала желтыми бликами фонарей, ряд святящихся окон культурного центра, где проводилась вечеринка, напоминал карточные витражные «рубашки». Под дождем мокли десятки машин в ожидании своих хозяев. И только одна машина, новенький «Лексус», с пахнущим новой кожей и духами салоном, постанывал голосами спрятавшихся там охваченных желанием людей...

Через несколько дней он уже перевез некоторые личные вещи в квартиру Ксении на Петровском бульваре, объяснив повзрослевшей дочери, что он влюбился. Как ни странно, Оля, которая в это время училась во ВГИКе, восприняла влюбленность отца с пониманием и даже как будто бы обрадовалась, что теперь она живет в квартире одна и может приглашать туда своих друзей. Дочка самой Людмилы Дунай, звезды последних сериалов, должна была продемонстрировать друзьям-приятелям, молодой киношной публике, понимание того, что творят ее родители, а потому внешне выглядела абсолютно спокойной и даже счастливой. На самом же деле, как потом узнал Григорий, Оля сильно переживала, часто плакала, а спустя месяц после того, как отец ушел из дома, получила сильнейший стресс и даже оказалась в больнице...

После этого и было принято решение, что Григорий, женившись на Ксении, вернется домой, к Оле, и они будут жить втроем. А мама, по ее же желанию, поселится сначала в съемной квартире, а потом переедет в недавно купленную ею и находящуюся в состоянии ремонта новую квартиру в Гранатном переулке.

Был ли уход из семьи Григория потрясением для Людмилы, он так и не понял. Не потрясение, так откровение. В любом случае она не могла не удивиться его решимости так резко поменять свою жизнь. Хотя, с другой стороны, поменялась лишь жена, декорации же и привычки прежней жизни были сохранены. Пока. Да и дочка жила рядом. Переезд же в новую большую квартиру Ксении, которую купил для них ее отец, все трое восприняли с радостью, даже Оля как будто бы обрадовалась тому, что у нее теперь есть своя комната.

Как же легко и приятно ему было жить с влюбленной в него Ксенией по сравнению с жизнью с прежней женой! Неглупая и не испорченная деньгами своего отца, она понимала его абсолютно и поддерживала во всем. К тому же, желая для своего нового мужа (которого, по ее мнению, недолюбили и недооценили) только блага, она не могла не поспособствовать тому, чтобы Григорий всерьез занялся своей карьерой. Так, спустя некоторое время он стал владельцем тридцати процентов акций фирмы своего тестя, от чего сначала немного растерялся, а потом, чувствуя поддержку жены и того же тестя, для которого желание дочери было законом, быстро освоился и благодаря своим способностям и опыту в строительстве добился больших успехов. Словом, оправдал возложенные на него надежды его новой семьи. Если, живя с Людмилой, он как бы даже стеснялся своей профессии, поскольку их всегда окружали люди искусства, которые считались существами высшего порядка, то теперь он произносил слово «строитель» с гордостью. Вот так все быстро перевернулось с головы на ноги, словом, встало на свои места, и Григорий чувствовал себя абсолютно счастливым.

Удивительное дело, но он редко теперь вообще вспоминал Людмилу, а ведь еще недавно он, казалось, не мог без нее жить. Возможно, женись он на няне Тане, такого счастья и гармонии не было бы, поскольку Таня была не так умна и богата (чего уж там!). А без денег стать за какие-то месяцы владельцем части крупной строительной компании просто невозможно. К тому же если бы не растущие с каждым фильмом гонорары Людмилы и не покупка ею квартиры, то пришлось бы делить семейное гнездо на Спортивной – продавать и покупать две маленькие на окраине Москвы или вообще в Подмосковье. Другими словами, Григория ожидали бы большие перемены абсолютно во всем. Он потерял бы все то привычное, милое сердцу и доставляющее радость комфорта. Это как вытряхнуть разжиревшего и пригревшегося котяру с его постоянного обжитого места, с его теплого одеяльца, из его уютной корзинки. К тому же новое семейство начало бы плодиться (это была мечта Татьяны), и детишек надо было бы кормить, покупать им кровати и коляски, а на это нужны деньги, причем немалые. Вот и получилось

бы, что тех денег, что зарабатывал Григорий, на все это не хватало бы. Подрабатывать в его положении и при его должности он при всем желании не смог бы. Новая жена ворчала бы, потрясая мокрыми пеленками и использованными памперсами у него перед носом, требовала бы денег и зывала бы к совести. Он бы злился, нервничал, и это непременно отразилось бы на их интимных отношениях. Вернее, они, эти интимные отношения, просто ушли бы из их жизни, хлопнув дверью...

Когда Григорий себе все это представлял уже сейчас, в новой своей жизни, лежа в обнимку с ласковой и идеальной Ксенией, его охватывал запоздалый ужас, и он вообще никак не мог понять, как его угораздило связаться с этой нянькой, грубоватой и хитрой женщиной, так ловко затащившей его в постель.

Его возвращение домой, к дочери, привело в порядок и психику Оли. Она тоже успокоилась и сразу, легко приняла ненавязчивую, но очень интеллигентную и терпеливую Ксению. Вскоре они даже стали подругами.

А вот Людмила выпала из их жизни. Несмотря на ее успехи и известность, особой любви к матери Оля не питала. Но даже Ксения заметила, что она старается на нее походить. Надо ли говорить, что вся одежда матери, которую та не пожелала забирать с собой в свою новую жизнь, оставалась в шкафу, и Оля не без удовольствия носила ее многочисленные бриджи, брючки в мелкую клетку, легкие пушистые свитера с рукавами на три четверти или толстые, настоящие норвежские свитера с характерным рисунком. Великое множество водолазок, жилеток, высоких ботинок на толстой подошве, какие носят тинейджеры или профессиональные лесорубы. Шапочки с помпонами, беретки, короткие курточки с капюшонами. И короткие цветные юбки – их целая коллекция. И практически ни одного платья. Это был стиль Людмилы Дунай, худенькой, стройной, с высокой грудью...

Иногда Олю принимали за мать, окликали ее по имени (те, кто был с нею знаком лично), посторонние же люди не раз просили у нее автограф. И были удивлены, потрясены и поражены, когда выяснялось, что она – родная дочь актрисы.

Григорий знал, что его бывшая жена продолжает много сниматься, что получает какие-то награды и премии, однако никакой информации о ее личной жизни почему-то не было. Словно с ее официальным разводом с ним, Григорием Дунаем, личная жизнь Люды закончилась. Хотя, казалось бы, оставшись одна, она могла бы дать много пищи журналистам, появляясь на тусовках то с одним, то с другим кавалером.

Поначалу Григорий на самом деле старался не думать о Людмиле, но потом, когда его отношения с Ксенией упорядочились настолько, что они оба как бы успокоились и уже не ревновали друг друга к прошлому, он стал потихоньку интересоваться успехами своей бывшей жены. И когда бывала возможность (особенно на работе, в своем кабинете, за своим компьютером, поскольку уж там-то его невозможно было ни в чем уличить и автоматическая система подсказок не могла выдать кому бы то ни было его интересов), он просматривал светские сплетни, пальцы сами машинально набирали «Людмила Дунай актриса». И появлялось великое множество ссылок на сайты, связанные с кинематографом, новыми фильмами, альбомами с фотографиями... Он тайно, как ему казалось, погружался в мир его бывшей жены и спрашивал себя, а правильно ли он поступил, бросив ее на растерзание чужим людям? Ведь она – талантище, красавица! И почему она должна была губить этот свой талант, прислуживая ему, вместо того чтобы ему, простому смертному, служить ей, своей жене? Ведь то, что ее постоянно приглашают сниматься, разве не говорит о том, что она – не простая актриса, что она невероятно одаренная и что ее любит зритель? Огромные деньги тратились на фильмы с ее участием! А как много красивых актрис сидит без ролей. Да сотни! Некоторые начинают пить, губят себя наркотиками. Хорошо, если им повезет с замужеством и они хотя бы таким образом продадут свою красоту. А Людмила? Почему ей так не повезло с мужем, который не понял ее, не поддержал?! А ведь он мог бы ездить с ней на съемки, быть всегда рядом, да что там

– готовил бы ей нормальную еду, варил бы супы на газовой плитке, чтобы она не питалась одними бутербродами или консервами. И Ольгу бы с собой возили, если бы можно было. Да что ему стоило купить для нее отдельный трейлер? И все окружение ее, видя, как ее любит муж, ценило бы ее еще больше. И тогда не было бы никаких газетных сплетен, скандальных публикаций в глянцевах журналах... И он бы был счастлив! И семья бы сохранилась, а потом, кто знает, может, она и согласилась бы на второго ребенка... И деньги появились бы, и купили бы большую квартиру, для них для всех, а не для нее – одной и, он почему-то был в этом уверен, крайне одинокой.

Но теперь уже поздно так думать. Людмилы нет в живых уже пять лет. Она погибла в очень странной компании – своей подруги, бывшей гримерши Светланы Осолихиной, и банкира Бориса Щекина. Осолихину и Щекина нашли зверски зарезанными в загородном доме Светланы. Там же были обнаружены некоторые вещи Людмилы – туфля, кофточка, пара квитанций из химчистки и банковские чеки... Паркет был просто залит кровью, среди которой была и кровь Людмилы и даже вырванная, что называется, с мясом, прядь ее волос... Скорее всего, ее убили в другом месте, где-то под Тамбовом, поскольку именно в Тамбове обнаружили ее машину, сиденья которой тоже были выпачканы кровью, а в багажнике – залитая кровью туфля, пара той туфли, которая находилась в Поварове...

Что с ней сделали, как измывались, теперь никто и никогда не узнает. На дом явно напали бандиты, промышлявшие грабежом в Подмосковье. Банд было много, Григорий пытался что-то узнать, но убийц Щекина и Осолихиной так и не нашли, значит, не нашли и убийц Людмилы.

... – Па, ты чего задумался? Маму вспомнил? – Оля подошла к нему и обняла. – Думаешь, мне маму не жалко? Ну да, я завидовала ей потому, что она такая красивая и так много снимается, но она же моя мама... Я всегда любила ее и теперь жалею, что так редко бывала у нее, что только звонила или отвечала на ее звонки. Думаю, ей очень нас не хватало... Она так и думала, что ты женился на деньгах.

– Знаешь, я мог бы тебе возразить, но получается, что деньги тоже сыграли определенную роль, – сгорая от стыда, неожиданно для себя признался дочери Григорий. – Будь она бедная, как Татьяна, ну, ты знаешь, о ком я. Так вот, ничего бы этого не случилось. Я бы не женился второй раз. А так... Все получилось именно так, как получилось, потому, что мы были изначально избавлены от бытовых проблем, понимаешь? Все прошло гладко. На редкость. Да и у Ксении оказался ангельский характер.

– Да нет, я на самом деле ничего не имею против Ксении. Она мне даже нравится, но она же никогда не станет мне мамой. И так получается, что мамы у меня нет и никогда уже не будет...

По щеке Ольги покатила слеза, Григорий обнял и поцеловал дочь в макушку.

– Ну, все? Ты немного успокоилась?

– Успокоилась.

– А юбку выбрала?

– Да, я надена вон ту, шифоновую... мамину... Помнишь, такую же нашли там, в машине...

– Ночевать придешь?

– Нет, я в Гранатовом останусь...

2. 2005 г. Людмила

Она молчала, эта докторша, немолодая уже, хрупкая блондинка в бирюзовой шапочке и с золотыми завитками на висках. Осмотр длился довольно долго, и Людмила понимала, что врач не просто пытается понять, что произошло, что она уже давно все поняла и теперь, вероятно, осторожно пытается взять анализы. Она думает, что когда-нибудь они пригодятся для экспертизы. Но никакой экспертизы не будет. Ничего не будет. Главное, чтобы она не задала лишних вопросов. Вот тогда будет еще больнее. К примеру, может позволить себе не деликатное: сколько их было? Нет, она не готова к такому вопросу. К тому же она на самом деле ничего не знает – ни кто были эти люди в масках, ни сколько их было. От удара по голове она, вероятно, потеряла сознание, а потому все, что происходило с ней дальше, она, к счастью, не почувствовала.

Чувства вернулись к ней тогда, когда дом был уже пустой, а она обнаружила, что лежит на полу, с ножом в руке, в луже крови... И своей крови (это было маточное кровотечение, как следствие насилия), и крови того человека, Бориса, которого пригласила Светлана. Сам же Борис с перерезанным горлом лежал совсем близко, и прямо за ним – труп Светланы, на шее которой тоже зиял страшный, наполненный кровью, разрез, формой напоминавший рыбу. В доме стало так тихо, что слышался шелест шелковых занавесок распахнутого длинного, до пола, окна. Это было французское окно, которое так любила Светлана. Окно, сквозь которое виднелся сад – зеленый, густой от деревьев летом и убеленный снегом зимой... Сейчас же окно прикрывала развевающаяся белая занавеска, густо перепачканная кровью, словно убийца вытер об нее окровавленные липкие руки. Где-то там, глубоко в саду щебетали птицы, которые наверняка видели лица этих насильников и убийц, но никогда не смогут быть свидетелями на процессе. А процесс будет. Непременно. Ведь убили крупного бизнесмена, банкира Бориса Шекина. А заодно изнасиловали актрису Людмилу Дунай и ее подружку, бывшую гримершу Светлану Осолихину, вдову, недавно похоронившую мужа и вот уже полтора года живущую в этом прекрасном загородном доме, доставшемся ей по наследству. Да, процесс будет громким, и все газеты уже завтра (подумалось ей) запестрят снимками с места происшествия, а еще на первых полосах газет и на обложках глянцевого журналов появится фотография самой Людмилы Дунай. Скорее всего, это будут кадры из какого-нибудь фильма с ее участием, где лицо ее будет искажено ужасом, страхом или предсмертной судорогой (эти сценаристы уже и не знают, что бы такое придумать, чтобы фильм получился посочнее, понасыщеннее, чтобы смог зацепить зрителя с первых кадров). И вся страна узнает о том, что она была изнасилована бандитами, и затейники-журналисты придумают сотни интервью, которые она якобы давала им, где в красках будет описан сам акт насилия...

Она с трудом приподнялась, ладонь, на которую ей пришлось опереться, заскользила по крови... Голова болела так, что, казалось, она расколота, как глиняный горшок, и абсолютно пустая. К тому же на голове она обнаружила рану от вырванных волос, которая кровоточила. Зачем понадобилось выдирать волосы?

Встала, одернула шифоновую, в цветах (влажную, отяжелевшую от крови и надорванную по шву) юбку и принялась искать белье. Трусики, разорванные, нашла под столом. Хотела надеть, но поняла, что продолжает держать нож мертвой хваткой. Да, конечно, это она всех убила. И кто в это поверит? Но тем не менее нож липкий от крови и весь в ее отпечатках. Уж убийцы об этом позаботились. От ножа надо избавиться... Однако швырнуть его на пол она не могла. Его надо либо отмыть от крови, либо спрятать в такое место, где его никто и никогда не найдет...

Положив его на пол, она оделась. Кровотечение остановилось, но она все равно понимала, что ей надо срочно к врачу, однако стоит ей только переступить порог больницы, как... Нет,

она не может допустить, чтобы ее карьера, как эта нервно развевающаяся перед глазами белая занавеска, оказалась выпачкана в этой грязной кровавой и унижительной истории. *«А, это та самая Дунай, которой устроили групповуху в Поварове? И она осталась жива? И продолжает сниматься?»*

А еще она словно увидела Григория, его испуганное лицо и как бы услышала его голос:

– Люда? Как ты там оказалась? Что забыла в этом загородном доме? Ты что, не знала разве, что Светка – самая настоящая шлюха, и она специально заманила тебя туда, чтобы познакомиться с этим Щекиным... И ты поехала, поехала, тебе захотелось новых ощущений, нового мужика... И что, получила то, что хотела?

Забота перешла в презрение. Да, Григорий всегда презирал ее за то, чем она занимается, считая, что актерская профессия одна из самых несерьезных в мире. Возможно, с ее стороны было эгоистично заниматься этой самой профессией, уйти в нее с головой и пятками, отдать себя этому прекрасному искусству всецело, но она почему-то всегда надеялась, что рано или поздно и муж, и повзрослевшая дочь поймут ее...

А сейчас как она могла вообще думать о Григории и Ольге, находясь в этом доме, полном трупов, да еще и подвергшаяся насилию?

Голова раскалывалась, колени дрожали, в низу живота была ноющая и какая-то опасная боль. Женщина всегда может определить степень опасности своего нездоровья, и эти боли и струящаяся по ногам кровь (снова открылось кровотечение) свидетельствовали о том, что ей просто необходимо показаться врачу. И мысли ее снова пошли по кругу: больница, следователь прокуратуры, журналисты, статьи и холодящие кровь снимки в прессе... Не было никакого сомнения в том, что ее узнают в больнице. Что было делать?

К тому же надо было срочно выбираться отсюда.

Еще недавно такой уютный дом Светланы, который она с такой любовью и желанием обустроивала, покупая ковры и занавески, картины и диваны, превратился сейчас для самой Светланы в гробницу, а для Людмилы, которая нашла в общении с ней приют для своего одиночества, – в несмыслимые ассоциации на всю оставшуюся жизнь. Светлый паркет, которым Светлана любовалась и которому радовалась как ребенок (во время ремонта она ломала себе голову, что же лучше постелить, настоящий ли паркет или ламинат), теперь был залит ее кровью, которая разлилась овалом и добралась до края розового с белым нежного шелкового ковра, начавшего поглощать эту кровь, впитывая ее в себя...

Людмила огляделась. Все в комнате было перевернуто. Дивный бронзовый светильник с опаловым тюльпаном был опрокинут, но не разбился. Мягкие круглые, расшитые райскими птицами диванные подушки валялись на полу, чувствовалось, что Щекин боролся до тех пор, пока острое лезвие ножа не перерезало ему горло. Правая рука его сжимала угол кружевной скатерти, натянувшейся так, что стоящие на ней приборы, фарфоровый чайник и ваза с виноградом скатились на пол... И весь этот еще недавно такой великолепный классический натюр-морт был забрызган кровью. Не менее классический натюрморт.

Свою сумочку она нашла на полу, выпотрошенную, но с паспортом, телефоном, мятым конвертом (письмо от поклонницы), ключами от машины и валявшейся на самом дне банковской картой. Вероятно, грабители решили, что все равно не смогут воспользоваться ею, а потому оставили (как оставили в живых и наверняка узnanную актрису, пусть живет). Забрали только кошелек. Исчезли также все драгоценности – как с Людмилы, так и с покойной хозяйки дома. Да и с пальца банкира Щекина исчезло платиновое кольцо с бриллиантом.

В спальне, Людмила знала, в заднюю стену шкафа был вмонтирован сейф, в котором Светлана держала деньги, драгоценности и документы. Можно было бы пойти и посмотреть, вскрыли ли его. Но страх, что в доме, может, кто-то еще и остался (или где-то поблизости находится еще один труп – приятеля Светланы, Романа Ваганова, он был четвертым, кто сел за стол), подталкивал ее к двери – вон, вон отсюда, и как можно скорее!

Между тем ее пальцы продолжали сжимать нож. Она не может оставить его здесь. Даже если она его и вымоет, не факт, что вода смоет ее отпечатки (она имела самое смутное представление об экспертизах). Его надо спрятать. Надежно. Вот только где? В любую минуту здесь может появиться милиция. Соседи могли услышать крики... Хотя какие соседи, когда дом примыкает к лесу с одной стороны и к реке – с другой. Очень автономный, тихий дом у реки. Ближайший дом, такой же одинокий, напоминающий дворец, стоит в километре отсюда. В лесу. Если она выйдет сейчас из дома и в этот момент к дому подъедет милиция, то ее, всю окровавленную, схватят, поначалу не разобравшись, что она жертва (или, на худой случай, свидетель), и обнаружат при ней нож... В сущности, это будет означать приговор.

И что теперь делать? Бросить нож в кусты?

Босая (одну туфлю она решила оставить там, где она их обнаружила – возле трупов, пусть все думают, что ее мертвое тело без обуви вывезли отсюда и закопали где-нибудь в лесу, вторую, залитую собственной кровью, предполагала оставить в машине), она, едва передвигая ослабевшими ногами, выбралась из гостиной (минуя дверь в ванную, куда она так и не рискнула войти из страха наткнуться на труп Романа, который, по ее мнению, мог быть где-то в доме), вошла в просторный холл, выложенный золотистыми плитками и играющий красно-зелено-розовыми бликами потолочных витражей, добрела до входной двери, открыла ее с трудом (она была тяжелая, сверху лакированное дерево, внутри – металл), и тотчас в лицо пахнуло свежестью, лесом, запахами травы и реки. Еще недавно они со Светланой наслаждались этими ароматами... Собирали поблизости от дома землянику, заваривали чай с земляничными листьями.

С чувством, напоминающим радость (если в этом кошмаре вообще уместно это определение), она увидела свой «Мерседес».

Перед тем как сесть в машину, она углубилась в лес, прошла всего несколько шагов, остановилась возле гигантской ели и, сколько было силы, вонзила бандитский страшный нож, вытертый сухим краем юбки, прямо в ствол, собрала с земли хвойные ветки и прикрыла его, как могла, ими. Подумала, что, если станут искать орудие убийства, то наверняка будут смотреть под ноги, на землю. Если вообще решат, что нож где-то здесь.

Открыла ворота, села в машину, достала телефон и отключила его, завела ее и, осторожно разворачиваясь между двумя другими машинами, принадлежащими Светлане и Роману (ей показалось, что даже их машины выглядят мертвыми), выехала со двора и покатила по узкой лесной дороге, весело играющей солнечными бликами. На шоссе прибавила скорости и через пару километров снова свернула в лес. Ей так хотелось побыть некоторое время в тихом и укромном месте. Где ее никто не заметит. Кроме этого, она должна была хотя бы немного привести себя в порядок. В багажнике машины она всегда держала пару бутылок минеральной воды. Сейчас она этой водой вымоет хотя бы бедра и ноги, отмоеет от крови. Что же касается того, чтобы вымыться тщательнее, она должна подумать, стоит ли так торопиться. Ведь это она сейчас, находящаяся в шоке и мало что соображающая, думает, что не будет никакого процесса, что вообще ничего не будет. А вдруг обстоятельства сложатся таким образом, что ей надо будет доказать факт изнасилования? Минеральная вода уничтожит улики. Нет, пока что она не станет мыться. Сделает это после посещения доктора. Вот только где она сейчас найдет доктора, который сумеет держать язык за зубами и который возьмет на себя ответственность скрыть от правоохранительных органов факт изнасилования?

Людмила открыла сумочку и достала конверт. Его прислала ее давняя поклонница с польским именем Ванда и немецкой фамилией Кох. Писем было три, и в каждом Ванда восторгалась ее игрой, желала ей здоровья, благополучия и говорила, что, если ей когда-нибудь захочется отдохнуть на Волге, порыбачить или просто спрятаться от своей известности, она всегда может приехать в маленький волжский городок Маркс, что находится в семидесяти километрах от Саратова, и пожить столько, сколько ей захочется, тем более что дом большой. Еще Ванда

писала, что увлекается литературой, пишет стихи, рассказы, написала два сценария фильмов про любовь и что было бы неплохо, если бы эти сценарии прочитал какой-нибудь «хороший московский режиссер»... Ведь эти сценарии – для Людмилы Дунай. Работая над ними, она видела в главной роли только ее – Людмилу Дунай.

И вообще, Людмила Дунай – идеал женственности и красоты... Вероятно, письмо писала простая женщина, которой, быть может, не хватает любви и которая считает себя недостаточно красивой и успешной, словом, женщина с комплексами. А может, все по-другому. У нее все так хорошо в жизни, что хочется чего-то большего, общения с известной актрисой, например... Как элемента роскоши.

Сейчас, держа в руках конверт, она позавидовала этой Ванде, живущей на берегу Волги в большом доме. Сейчас утро, она наверняка завтракает в своей кухне, чистая, в домашнем халатике, пьет кофе, смотрит в окно, за которым видна сверкающая гладь реки, бледно-зеленые ивовые заросли... А известная актриса Людмила Дунай сидит в машине в разорванной юбке и, можно сказать, без белья, вся истерзанная, растоптанная, униженная, изнасилованная...

Сжимая конверт в руке, Людмила разрыдалась.

Спустя полчаса она уже будет лететь по трассе в неизвестность. Путаясь в поворотах, она выедет не на ту трассу и промчится огромное количество километров ложного пути, пока не выберется все-таки на тамбовское направление... Сжимая дрожащими руками руль, она, глотая слезы, будет держать путь в этот незнакомый ей город с единственной целью – найти частную больницу, где ей окажут медицинскую помощь и помогут добраться кратчайшим путем до маленького волжского города Маркса, где живет женщина с польским именем Ванда и немецкой фамилией Кох.

...Найти частный гинекологический кабинет оказалось не таким уж легким делом, однако верный путь ей указала медицинская сестра в регистратуре одной из поликлиник, протянув визитку доктора Лазаревой Инны Борисовны. По дороге Людмила обналичила в банкомате немного денег, понимая, что этот факт рано или поздно откроется. Что ж, пусть те люди, что будут расследовать убийство в Поварове, предположат, что банковской картой воспользовались преступники. Но тогда, промелькнуло у нее в голове, карту могут заблокировать. Она вернулась к банкомату, расположенному на тихой улице, неподалеку от какого-то учебного заведения вроде института или университета (табличку было не разглядеть из машины), и сняла около пятидесяти тысяч рублей.

Маленький купеческий особнячок красного кирпича едва проглядывал сквозь зелень густо посаженных тополей и кленов. Вечерело, внутренний дворик клиники светился янтарно, как театральная сцена, ярко освещенная мощными прожекторами. Тени же вокруг дворика уже начинали клубиться сиреневыми сумерками.

Людмила нашла в себе силы выйти из машины и добраться до двери, открыла ее и попала в прохладную темноту, крепко пахнущую сухим деревом и лекарствами. Еще одна дверь, и она попала в чистенький, освещенный ярким белым светом холл, заставленный кадками с пальмами и монстерами. За стеклянной конторкой сидела девушка в бирюзовой шапочке и что-то сосредоточенно писала в журнале.

Людмила поблагодарила бога за то, что ее, кроме этой девушки, никто не видит – в холле не было ни одного пациента.

– Мне надо срочно к гинекологу, Лазаревой Инне Борисовне.

Девушка оторвала взгляд от журнала, посмотрела на Людмилу и, вероятно, увидев ее искаженное болью и усталостью лицо, встала и метнулась к узкой белой двери, выбежала в холл и постучала в одну из дверей с табличкой «Лазарева И.Б.». Через несколько секунд вышла оттуда и кивнула, приглашая Людмилу войти.

– Пожалуйста, вас ждут.

Ноги не слушались, а вся нижняя часть туловища казалась тяжелой, и при каждом шаге отдавало болью в пояснице. Некогда роскошная шифоновая юбка в розовых пионах, разорванная по шву, стояла от засохшей крови колом.

В кабинете за столом она увидела средних лет худенькую женщину в бирюзовой шапочке, из-под которой выбивались золотистые завитки. Бледное лицо с ярко-синими глазами и ярким румянцем на скулах. Жирная помада на тонких поджатых губах.

– Проходите, пожалуйста, – Инна Борисовна внимательно оглядела Людмилу, и взгляд ее задержался на порванной юбке и бурых потеках на ногах. К тому же невозможно было не заметить, что женщина босая! И что между пальцами ног тоже застыла натекшая сверху кровь.

– На кресло, – скомандовала доктор. – Немедленно. Кто-нибудь уже знает, что произошло?

– А как вы догадались? – прошептала, глотая слезы, Людмила.

– Синяки, ссадины... Порванная юбка, кровоподтеки... На кресло, быстрее...

И вот она на кресле, слезы текут из уголков глаз к вискам, и она едва успевает промокнуть их бумажной салфеткой, заботливо предложенной Инной Борисовной. Идут минуты, часы... Конечно, ей это только кажется, что осмотр длится так долго. Хотя она теряет счет минутам.

– Вы ведь Людмила Дунай, – наконец произносит, не глядя ей в глаза, а продолжая орудовать инструментом, Инна Борисовна. – Я сразу узнала вас.

– Никто ничего не должен знать.

– Вы не станете обращаться в милицию? Вы не хотите, чтобы этих скотов посадили?

Людмила почувствовала, как ей обрабатывают раны, смазывают йодом...

– Как же это вы в таком состоянии добрались до Тамбова? Или я что-то не понимаю?

– Все вы правильно понимаете. В Москве ни одна душа не должна знать, что со мной произошло.

– Но вы можете забеременеть... Это, во-первых, во-вторых, необходимо дождаться результатов анализов. Вас элементарно могли заразить. Все пораженные места, ссадины я обработала лекарством, заклеила медицинским клеем. Слава богу, что внутри никаких разрывов нет, обошлось. Что вы предпримете? Каковы ваши планы?

– Понимаете, я расскажу в двух словах. Была вечеринка. Под Москвой. В одной деревне. Я, моя подруга Света, ее парень Роман и еще один человек, с которым Света хотела меня познакомиться. Мы сидели за столом, пили коньяк, еще был чай с травами... Все очень пристойно. В какой-то момент этот... Щекин, банкир, сказал, что хотел бы сделать мне подарок, что он давно восхищается мной и все такое... Словом, он подарил мне перстень с очень большим бриллиантом... Я сказала, что не могу его принять. Мы вернулись в гостиную, где Светлана продолжала сидеть со своим другом за столом. И вот в какой-то момент я вдруг увидела, как распаивается дверь, появляются люди в масках. Они действовали бесшумно... Думаю, что меня ударили чем-то по голове, у меня до сих пор страшно болит голова, я едва говорю... Последнее, что я увидела, – как этот человек в маске полоснул ножом по горлу Щекина, брызнула кровь, и я, думаю, в тот момент отключилась... Это было вчера вечером. Или уже почти ночью. А сегодня утром я пришла в себя в этом доме... Рядом – трупы. Щекина и Светланы. Все ценное с них снято. Сейф я не проверяла, мне было не до этого. Удивительно, подумала я, что меня оставили в живых. Как вы думаете, почему?

– Вставайте, – доктор помогла ей спуститься с высокого кресла. – То, что вы рассказали, – ужасно. Почему вы не хотите, чтобы убийц искали? Почему вы уехали оттуда?

– А вы не понимаете? – Людмила села на стул напротив Лазаревой. – Мое имя будут полоскать во всех газетах. У меня дочь взрослая, хочет актрисой стать. С бывшим мужем всегда были сложные отношения, он будет меня еще больше презирать за то, что со мной произошло. Мальчик-студент, мой любовник, который меня любит до беспамятства... Ему незачем

связываться со мной. Все равно там все бесперспективно. Все контракты я выполнила, у меня как раз образовалась пауза, я должна прийти в себя и отдохнуть.

– Я так понимаю, что вы хотите, чтобы все подумали, будто вас нет в живых?

– Пусть будет так. А когда вся эта история забудется, я вернусь. Если меня спросят, где я была этот год или два, я не знаю... Скажу, что мне просто надо было побыть одной.

– А ваша дочь? Она, думаете, не будет страдать?

– Моя дочь? Нет, не будет, – сказала она дрогнувшим голосом. – Оля не будет страдать. У нее железное сердце. Она очень холодная. Обо мне никто не будет плакать, если вы об этом. Многие даже (я имею в виду своих коллег по цеху) обрадуются, что теперь «мои» роли, я имею в виду те роли, которые пишутся под меня, достанутся им.

– Думаю, что вы и сами не понимаете, что сейчас говорите. Вы – живая, к тому же свидетель. Можете что-то рассказать. Вы можете не говорить об изнасиловании, но на ваших же глазах убили ваших друзей!

– Хорошо, я скажу вам. Когда я очнулась, в моей руке был нож. Тот самый. Понимаете? Мне страшно. Я не хочу туда, в Москву, в ту жизнь. Я устала и хочу отдохнуть.

– И куда же это вы собираетесь поехать?

– В один маленький город. Там живет моя поклонница. У нее большой дом на берегу реки. Я поживу сначала там, потом, может, куплю дом... Я не боюсь работы. Я выживу. И жизнь моя будет простой и ясной. Быть может, там я пойму, почему меня не любили мои близкие – муж и дочь.

– Послушайте, вам надо отдохнуть... Сейчас мы поедем ко мне домой, вы примете ванну и поедите. Вы когда последний раз ели?

– Вчера. Пила чай с травами... – И она закрыла лицо руками.

Инна Борисовна жила одна. Дочь с мужем и внуком – на соседней улице. Благополучная, спокойная и живущая в гармонии с собой женщина. Очень приятная в общении. Людмила знала, что все, что она ей рассказала, доктор Лазарева сохранит в тайне. Хотя и читала в ее взгляде и интонациях голоса недоумение.

Едва Людмила переступила порог квартиры, как слезы хлынули из глаз, и она, чувствуя, что с ней происходит что-то непонятное и ужасное, привалилась спиной к стене.

– Успокойтесь, пойдете... – Инна Борисовна провела Людмилу в комнату и усадила в кресло. – Вот так. Конечно, вам просто необходимо обратиться к психологу. Есть же специалисты, которые помогут вам. Пожалуйста, Людмила, не торопитесь вы с этой странной поездкой. Вы же совершенно не знаете этих людей, эту вашу поклонницу. А вдруг она сумасшедшая? Повторяю, вы с ней не знакомы лично, вы ее никогда не видели.

Сквозь рыдания Людмила попыталась ей объяснить, что то письмо, которое она обнаружила в своей сумочке после пережитого кошмара, она воспринимает как знак. И что все то, что с ней произошло, – расплата за то, что она выбрала свое эгоистическое желание посвятить свою жизнь профессии, вместо того чтобы любить мужа и дочку.

– Вы должны знать, что все то, что происходит с нами, – не случайность. Это на первый взгляд кажется, что это случайность, на самом деле все в этой жизни закономерно. Я была так невероятно счастлива последние годы, меня много приглашали сниматься... Не каждая актриса может похвастаться, что сценарий пишется под нее... Моя карьера складывалась удачно, так, что мне иногда и самой страшно становилось, что вокруг меня всегда такая приятная шумиха... Мои фильмы шли по всем каналам... Да вы и сами, наверное, знаете... Я получала хорошие деньги. Купила вот себе квартиру... Но, признаться, в этой квартире я бывала не часто. Съёмки, съёмки и еще раз съёмки. Признаюсь, я жила не своей жизнью, я словно пыталась прожить сразу несколько жизней, и везде у меня была главная роль, я была героиней...

– Пожалуйста, Людочка, успокойтесь. Сейчас я вас накормлю, а вы постарайтесь поесть. Это очень важно. Вам сейчас нужны силы. Я пойду на кухню, а вы тут подождите немного...

Однако она сразу уснула, прямо в кресле, а когда проснулась, увидела перед собой лицо Лазаревой и сразу все вспомнила. От накатившего ужаса и страха закрыла глаза.

– Вот и хорошо, что вы немного поспали... Это очень хорошо. А теперь – есть! Все остыло, вы проспали два с половиной часа... Пойду снова подогрею.

Людмила слышала, как Лазарева на кухне звенит посудой, как работает микроволновка, как открываются и закрываются дверцы шкафов. И она, эта докторша, жила настоящей, своей жизнью. Быть может, в своих мечтах она и хотела прожить жизнь более интересную, чем жизнь гинеколога в провинциальном городе, но жизнь сложилась именно так, а не иначе, и зачем мечтать о чем-то неосуществимом? Пожалуй, все-таки прожить другие жизни может лишь впечатлительный актер, обладающий даром перевоплощения.

– Вот, это куриный суп, как раз то, что нужно. Причем курочка домашняя, это мне из деревни благодарная пациентка привезла. Знаете, так много женских историй проходит на глазах, и иногда мне кажется, что лучше уж жить одной, чем терпеть унижения и тиранию от мужей... Вот белый хлеб. Вам сейчас нужны калории. А на второе обыкновенные говяжьи котлеты. Салата нет, я не успела купить овощи. Зато у меня к чаю есть очень вкусные печенья, немецкие, в шоколаде. Признаться, очень люблю шоколад. Людочка, вы ешьте, ешьте и постарайтесь все-таки прийти в себя и реально оценить ситуацию. Я понимаю, что вам сейчас тяжело, очень тяжело. Но с чего вы решили, что журналисты узнают, что вы были изнасилованы?

– Они всегда и все узнают. У них повсюду свои люди. Может, они найдут по горячим следам этих бандитов, и те сами во всем признаются. Я не переживу этого кошмара, этого стыда. А еще мне стыдно, что я оказалась в этом доме в компании женатого человека, этого банкира Бориса Щекина. Я не знакома с его женой, но все равно понимаю, что история отвратительная. Если вы не против, я расскажу вам, как все было.

– Конечно, рассказывайте. Вам сейчас просто необходимо выговориться.

– Я говорила уже, что у меня есть любовник, чистый такой и очень красивый мальчик Саша. Это, как говорится, тайный любовник. Я с ним не бывала ни на тусовках, ни на каких-то мероприятиях, нет. Он приезжал иногда ко мне домой, а чаще всего мы ездили на мою дачу, в Переделкино, которую я снимала тоже втайне ото всех. Он хоть и говорил, что воспринимает меня просто как женщину, но я-то понимала, что он восхищается мной. И это восхищение... Как бы это вам сказать... Я им питалась, я им жила. Меня мало интересовало, что писали обо мне журналисты, мне было важно мнение Саши по поводу роли, меня интересовало его отношение к моей профессии... Возможно, будь он моим мужем, да и постарше, он был бы точной копией моего мужа, Гриши, который был очень положительным и долгое время делал вид, что понимает меня... Оффф... Саша. Сначала расскажу про то, как я оказалась в Поварове в компании Щекина. Понимаете, Светлана была моей гримершей, причем весьма талантливая гримершей, и я всегда любила, когда она занималась моим лицом... Благодаря ей крупный план всегда был выигрышен, она всегда знала, что нужно, чтобы мое лицо было фотогеничным... Но речь не об этом. Мы подружились, ведь она повсюду ездила с нами, нашей съемочной группой, она помогала мне во всем, да что там – заботилась обо мне! Даже супчики на электрической плитке готовила. И я была ей очень благодарна. И вдруг она случайно познакомилась с одним человеком, бизнесменом. Очень хорошим человеком, между прочим. Понятное дело, что он захотел, чтобы она бросила свою работу и сидела дома. Она, это не я, она согласилась, и сначала они жили в большой московской квартире, а потом он купил вот этот дом в Поварове. У них были такие планы... Хотели завести детей, – губы Людмилы тронула легкая улыбка, – и кур... Я знаю, что это разные вещи, но вы понимаете меня... Просто Светлана никогда особенно-то не любила Москву, я подозреваю, что она вообще родом из деревни. И вот ее муж неожиданно умирает. Буквально два месяца – и нет человека. Света тогда чуть с ума не сошла. Я, чтобы поддержать, уговорила ее поехать со мной на съемки в Карелию, мы там как раз снимали

фильм... Ну, чтобы она отвлеклась, понимаете? Чтобы погрузилась в атмосферу фильма... Мы там даже роль ей дали маленькую, она играла медсестру... Время шло, раны затягивались, и Светочка моя пришла в себя, ожила, что называется. Когда мы вернулись в Москву, она сразу же принялась за обустройство дома в Поварове. Сказала, что знает, куда хочет направить свою энергию. Она занялась садом, ремонтом дома, покупкой мебели, ковров... словом, у нее все наладилось. Я знала, что у нее появился любовник. Сначала один, потом другой... И выпить она тоже любила. Знаете, Гриша, мой муж, и раньше говорил мне, что не стоит дружить вот так плотно со Светой, что она – девушка из другого круга, что непременно втянет меня в какую-нибудь историю. Истории бывали, чего греха таить... И с сомнительными людьми приходилось вечера проводить, чтобы поддержать компанию. У Светки не было чутья на людей, вечно приводила в свой дом каких-то странных личностей, если не опасных... развлекалась, как могла. Но уверенно она чувствовала себя, только когда и я была с ней, если ночевала у нее. Надо признаться, что и мне нравилось у нее бывать и даже терпеть ее пьяные компании. И все потому, что не могла подолгу оставаться одна у себя в московской квартире. У меня там очень хорошо, красиво... Но я – одна. И никого, в отличие от Светы, к себе не приглашаю. Разве что Сашу, я говорила. Но редко. Понимаете, когда я на съемках, жизнь кипит, все вокруг движется, и я занята, востребована, я так устаю, что у меня не остается времени даже на сон и еду! И вдруг все заканчивается, жизнь словно останавливается, я возвращаюсь в Москву, приезжаю к себе домой и понимаю, что не могу здесь долго оставаться. Мне хочется увидеть дочь, мужа, но я знаю, что я им не нужна. Что дочь, если я ей позвоню, нагрубит мне, непременно упрекнет злым таким язычком, что вот, мол, приехала, мамочка, вспомнила про дочку... А если бы съемки не закончились, то не позвонила бы... Она уже взрослая, она вообще рано как-то повзрослела, или просто я проследила ее... А муж? Он долго меня ждал, думал, вероятно, что я все-таки вспомню о нем и как-то приторможу течение жизни, что откажусь от каких-то ролей и побуду с ним или возьму его с собой. Словом, он не дождался меня и женился на другой женщине. Совсем молоденькой и очень богатой. Они... они живут втроем: Гриша, его жена и Оля. И меня в их жизнь не пускают. Ксения, его жена, она неглупая девушка и сразу поняла, что Гриша – идеальный муж. Я не сумела оценить это в браке и поняла только тогда, когда он ушел от меня. Ушел, прихватив Олю. Оно и понятно, она же все эти годы была с ним. Она обожает отца и ненавидит меня...

Инна Борисовна слушала Людмилу, не перебивая. И только когда образовалась долгая пауза, позволила себе задать вопрос:

– Вы ведь хотели бы вернуть своего мужа и дочь?

– Да, очень. Но я не знаю такого способа, чтобы их вернуть. У них все есть – мама, папа, дочка. Полный комплект. К тому же они ни в чем не нуждаются. И, знаете, они любят друг друга, им хорошо втроем. А я – четвертая лишняя. К тому же я просто уверена, что Григорий пусть и неосознанно, но настраивал Олю против меня. Сначала это были, может, и безобидные какие-то характеристики в мой адрес: вот, мол, мама, такая занятая и нас совсем забыла... А потом, думаю, когда на горизонте появилась его Ксения, в ход пошли более тяжкие обвинения. И мой образ заметно потускнел, понимаете? И все мои успехи приобрели налет, пусть вас не удивляет, даже какой-то пошлости. О легкомыслии и говорить не приходится. А ведь я всегда любила Гришу и сейчас люблю.

– И все равно, пока вы здесь, я постараюсь отговорить вас от этой поездки. Поверьте мне, просто вы находитесь сейчас в шоковом состоянии. Потом, когда вы будете уже далеко от дома, вы пожалеете об этом. Мне жаль, что я не психолог и не могу найти нужных слов, чтобы остановить вас.

– Хорошо, я вам скажу... Все эти последние годы я проживала судьбы своих героинь. Все они были смелые и решительные женщины и одновременно женственные и слабые. Словом, героини в прямом смысле этого слова. Но я на самом деле... не такая. Я не знаю, какая

я. Те испытания, которые придумывали для моих героинь сценаристы, я бы никогда в жизни не преодолела. Или же я просто не знаю себя. Моя жизнь складывалась таким образом, что и испытаний-то особенно никаких не было. У меня была замечательная мама (отца я вообще не помню, он умер, когда мне было три месяца), которая любила и баловала меня и которая не препятствовала мне в выборе профессии. Конечно, ее смерть потрясла меня. Но я была слишком молода, чтобы уходить в себя. Я была психологически очень здорова, настолько здорова, что нашла в себе силы уйти с головой в учебу, я растворилась в своей новой, самостоятельной жизни... Потом появился Гриша, который боготворил меня, носил на руках и исполнял любые мои прихоти. За ним я была как за каменной стеной. Нам всегда было где жить. Как-то везло, понимаете? Потом родилась Оля, здоровенький и очень спокойный ребенок. Понятное дело, что сидеть дома я не могла. К тому времени у меня на счету были две крупные, заметные роли. И мы пригласили няню. Ее звали Таня, она приехала в Москву с Украины, такая бойкая и ловкая девушка. Словом, они с Гришей стали любовниками. И именно Таня постаралась сделать так, чтобы я об этом узнала как можно раньше. Она пользовалась моим халатом и как бы нечаянно оставляла там разные... предметы, вещи... презервативы... Вы не представляете себе, что я испытала, когда поняла, что моя семья дала трещину, что еще немного, и я потеряю мужа, а может, и дочь. Я сказала Грише в лицо, что все знаю. И заявила, что, как бы ни сложились отношения между им и этой нахалкой, дочь свою я ему не отдам. Я же понимала, что если будет судебный процесс, то, учитывая мою занятость, дочку могут после развода отдать Грише. Но, оказывается, я плохо думала о муже. Никакого суда не было. Я сделала вид, что простила его, и мы стали жить дальше. Правда, дома меня по-прежнему не бывало, и у нас появилась новая няня. Вы не подумайте, это не была какая-нибудь пахнущая валокордином или змеиной мазью старушенция. Напротив, это была молоденькая девушка, энергичная и с большим опытом работы с детьми. Надо сказать, что с ней Оля стала развиваться быстрее, она очень многому научила мою дочь, и я знаю, что больше никаких интрижек с нянями у моего Гриши не было. И жизнь как бы наладилась. Он работал, я тоже пахала как вол. Мы неплохо зарабатывали, но я старалась все свои деньги откладывать на квартиру. Мы понимали, что Оля вырастет и ей тоже нужна будет своя жилплощадь. Да и вообще, вкладывать деньги в квартиры – думаю, это самое разумное.

– И что случилось-то? Почему вы расстались? – Доктор Лазарева внимательнейшим образом слушала рассказ Людмилы.

– Он влюбился в Ксению. Он, вынужденный столько лет жить как бы без жены... Словом, он влюбился страстно, и эта страсть оказалась взаимной. Дочка богатого папочки, Ксения, очень красивая и умная девушка, увидела в моем Грише то, что в свое время разглядела я, – надежность. Гриша очень положительный мужчина, он прекрасный муж, он друг на всю жизнь.

– Однако он предал вас, – заметила Лазарева.

– Это я предала его. Я могла бы всюду брать его с собой... Эх, да что теперь говорить? Его, воспитанного и прирученного мною, подобрали и взяли себе. На веки вечные. И Оля подружилась с ней. И теперь им втроем, говорю же, очень хорошо. Они перебрались в ее огромную квартиру, которую им подарил ее папочка, и живут себе счастливо. Когда я звоню Оле, она говорит, что сильно занята... И я чувствую по ее тону, что она злится на меня, что не хочет меня слышать. И понимаю, что это Гриша с его женой настраивают ее против меня. Но почему? Почему они не поняли меня? У меня профессия такая – постоянно отсутствовать дома.

– Так, может, вы сами виноваты, что не предложили своему мужу бросить свою работу и следовать за вами повсюду?

– А вы думаете, он согласился бы?

– Он мог бы стать вашим агентом, наконец!

– Знаете, он строитель и всегда этого стеснялся...

– Какая глупость! Ладно, Людмила, я вижу, что вы сильно утомлены и наш разговор надо бы перенести на завтра... Сейчас я уложу вас спать, сделаю успокоительный укол, чтобы вы сразу уснули и ни о чем не думали. А утро вечера мудренее, сами знаете. Думаю, что утром вы измените свое решение отправиться неизвестно куда... Если уж вам так необходимо какое-то время побыть одной или хотя бы вдали от тех, кого вы любите, то поживите здесь, у меня. А уж если на самом деле хотите никого не видеть, то я отвезу вас на свою дачу. Вы сможете там все хорошенько обдумать.

– Я не сказала главного... помните, я говорила, что я – не героиня. Так вот, мне хочется прожить новую жизнь. Обыкновенную. Не жизнь актрисы, а жизнь простой женщины. Я готова заниматься физическим трудом и даже освоить другую профессию, если придется. Я не хочу, не могу возвращаться туда!!!

Она сорвалась на крик. Доктор Лазарева тяжело вздохнула.

3. 2010 г. Лиза и Глафира

Лиза и Глафира возвращались с места преступления – в пригороде Маркса, городка, расположенного неподалеку от Саратова, была убита школьница – Кристина Куракина. В убийстве подозревался молодой преподаватель музыкального училища, пианист, Михаил Фехнер, оказывавший старшекласнице знаки внимания. Его убитый горем отец, Яков Фехнер, обратился за помощью к адвокату Елизавете Сергеевне Травиной, и вот Лиза со своей помощницей Глафирой Кифер отправилась в Маркс – знакомиться со следователем прокуратуры, которому поручили вести это дело, ну и осмотреть место преступления.

Девочка была задушена и привезена на берег залива в районе нефтебазы. Волга, разливаясь, образовала причудливой формы заливы, которые пересекали густой лес и в некоторых местах даже превращались в опасные болотистые участки. Вот в одном таком мрачном месте, в глубине леса, на самой окраине Маркса, в районе старой нефтебазы и был обнаружен труп девочки. Туда-то Лиза с Глафирой и отправились на машине со следователем прокуратуры Данилой Петровым, молодым парнем, улыбчивым, добродушным, который почему-то страшно обрадовался неожиданным гостям и готов был рассказать им все, что знал по этому делу. Но поскольку прошло всего два дня, то и фактов-то у него пока что никаких не было. Было известно, что девушку удушили предположительно чулком (поскольку второй чулок остался на ее ноге), что она не изнасилована, что под ногтями жертвы обнаружили частицы эпителия с кровью убийцы, что означало, что убийца должен был расхаживать по Марксу с расцарапанным лицом. Это если он местный. Если же не местный, то и вовсе трудно предположить, кто и за что убил девочку.

На влажной земле, в том месте, где отсутствовал толстый слой сгнивших дубовых листьев, сохранился четкий отпечаток протектора автомобиля, на котором труп был привезен в лес. Мощный и тяжелый внедорожник с новой резиной. На девушке сохранились все золотые драгоценности – кулон с цепочкой, два браслета, колечко с бриллиантом, сережки с изумрудами, из чего следовало, что ее убили не с целью ограбления.

Сначала Лиза с Глафирой долго беседовали с Данилой в его кабинете в прокуратуре, потом разговор переместился в лес, где общая мрачноватая атмосфера располагала к подобным темам. Данила вспомнил все преступления, которые произошли в последнее время в Марксе и жертвами которых были молоденькие девушки. Одних задушили, других зарезали...

– Что же это за городок-то у вас такой? – удивилась Глафира.

– Город хороший, мне здесь нравится, хотя я сам и не местный, саратовский, закончил Академию права. А девушек убивали, как выяснилось позже, из-за ревности. Понимаете, здесь очень красиво, воздух свежий, Волга все-таки, и цвет лица у девушек особенный... Я как мужик вам скажу – все как на подбор были красавицы. А убийцы – женихи, любовники... Ничего оригинального. Думаю, что и эту девочку убили по той же причине.

– Вы – лирик, Данила, – заметила Лиза. – Но ведь их же убивали, понимаете? Это как же нужно любить девушку, чтобы за измену, предположим, лишиться жизни? Это не любовь, а уязвленное самолюбие, а еще... может, ощущение безнаказанности? Всех поймали-то?

– Всех!

– И кто они, местные?

– И местные, и приезжие, те, кто недавно купили здесь дома или построили. Места-то здесь дивные, роскошные... просто Венеция какая-то! Но есть и местные, которые приревновали к приезжим. Трудность в ряде случаев заключалась в том, что некоторые жертвы подолгу лежали где-нибудь на островах... Здесь же у каждого лодка имеется. Убьют сгоряча, а потом тело увозят куда подальше, думают, что никто и никогда не найдет... Но здесь уже мало мест

на островах, которые оставались бы неосвоенными, необхоженными. Отдыхающих – тьма, а уж про рыбаков и говорить не приходится. Все рыбаки.

– Какие странные истории вы рассказываете, – удивилась Лиза. – Казалось бы, такой тихий и симпатичный городок.

– Но он на самом деле такой, я же говорю. Понимаете, здесь два училища – медицинское и музыкальное, которое теперь называют училищем искусств, понятное дело, что преобладает женский контингент. И все девушки – как на подбор.

– И что же теперь – умирать от любви, от ревности? Что это за страсти-мордасти такие? Ну, хорошо, расскажите тогда о самой девочке. Кто она, из какой семьи? Ну и почему вы решили, что ее удушил уважаемый всеми молодой преподаватель-музыкант?

Разговор этот происходил в служебной машине, на которой Данила вывозил своих незваных гостей из леса, с места преступления, навстречу синим сумеркам, пропитанным запахами близкой речной воды, сырой земли и шлейфом лесных сентябрьских ароматов.

– Да не то чтобы это я сам решил... – замялся молодой следователь. – Просто все, как один, я имею в виду всех ее подруг, близких людей, указали на него. Говорили, что он ночами сидел у нее под окнами, страдалец, что она отказывала ему даже в общении, бегала от него. Он же намного старше ее, и видно было, что от любви просто умирает человек.

– Ну, полюбил музыкант школьницу, что с того?

– Да у нее парень был, из местных, Сергеем Гудковым звать. Она с ним ходила, гуляла, значит. В Саратов ездила на его машине, в клубы там разные... А музыкант этот, Фехнер, звонил ей и говорил, что все равно дождет ее, что она сама скоро поймет, кто такой этот Сергей, что ему от нее только одного надо...

– Но Фехнер, насколько мне известно, не был агрессивен настроен, не так ли? Он просто страдал, вот и все.

– Ну, люди говорят, что когда-то он сказал ей, что она никому не достанется или что-то в этом духе. Но если честно, то не похож он на убийцу. Вполне адекватен. Правда, сейчас он находится в больнице, мы ждем результатов экспертизы, которая покажет, адекватен он был или нет...

– Пожалуйста, Данила, не торопитесь с выводами. Мне довольно хорошо известны методы работы прокуратуры, у меня по этой части накопился довольно богатый опыт. Поверьте мне, вы сами скоро пожалеете, что пошли по пути наименьшего сопротивления. Куда приятнее будет осознать, что отпустили ни в чем не повинного человека, а поймали настоящего убийцу.

– Вы так его защищаете, словно были с ним знакомы, – не зло, а как-то мило, без упрека, сказал Данила. – Ну да ладно. У вас профессия такая. Вы когда обратно, домой?

– Никогда, – неожиданно для всех сказала Глафира.

В отличие от тоненькой русоволосой Лизы, Глафира Кифер была крупнее, ярче и колоритнее. Однако чувствовалось, что молодая женщина следит за собой, что наверняка по утрам совершает пробежки и подолгу приходит в себя под прохладным душем. Она хоть и молчала почти всю дорогу, но Данила чувствовал, что она сопровождает Лизу неспроста, что они вдвоем – тандем и что, скорее всего, они лишь только внешне производят впечатление просто хорошеньких девушек. На самом деле (он уже успел собрать некоторую информацию об их частном адвокатском бюро) они настоящие профессионалы своего дела и занимаются не столько адвокатской работой, сколько сбором информации для своих клиентов, с помощью которой не доводят дело даже до суда. Еще, что удивительно, занимаются поисками людей.

Выходило, что эта самая Лиза Травина – одна из самых крутых в Саратове адвокатов, что ездит по городу она в роскошном, дорогущем «Крайслере» и что ее муж, тоже адвокат, Дмитрий Гурьев помогает «отмывать» деньги местным чиновникам...

Все это указывало на то, что с ними надо бы держать ухо востро. Лишнего не говорить. Но и преждевременные выводы не делать.

Конечно, Михаил Фехнер этот, пианист, не убивал Кристину. Но на всякий случай надо же было кого-то задержать по подозрению в убийстве, тем более что все как один твердили, что это он... А вот интересно, почему все указывали именно на этого Михаила? Что это, сговор? Почему никто и словом не обмолвился о Сергее Гудкове?

– И куда же это вы нас везете?

– Могу – в прокуратуру, там же ваша машина... Могу показать Маркс при вечернем освещении... Могу отвезти поужинать в какое-нибудь приятное местечко...

– А гостиница тут есть?

– Знаете, я так понял, что сегодня вы никуда не уезжаете, поэтому хочу предложить вам провести вечер в одном на самом деле приятном месте. Там вы найдете и хорошую еду, и ночлег. Сказать, что это гостиница? Нет, хозяева сдают всего две комнаты, но с видом на реку. Они держат небольшое заведение, не ресторан, поскромнее, но там всегда полно посетителей. Хозяин – немец, его фамилия Кох. Никто даже не знает, как его зовут. Все «Кох» да «Кох». Вы сами поймете, когда поживете здесь, что тут много немцев. Раньше, до войны, здесь вообще была немецкая республика и Маркс назывался Баронском. Во время политической оттепели ворота в Европу, так сказать, распахнулись, и немцам было разрешено выехать на свою историческую родину, вот и хлынул отсюда поток в Германию... Очень много немцев уехало, целые семьи, кланы... Поблизости от Маркса есть множество сел, где жили немцы, вернувшиеся сюда после войны из казахстанских степей (в войну их, немцев, отправляли отсюда эшелонами подальше от центральной части страны), так вот и они тоже рванули в Германию. И мало кто вернулся. Да почти никто. А вот Кох никуда не уехал. Его бывшая жена и сын уехали, а он остался, женился на молоденькой музыкантше, они с Вандой спокойно и мирно жили себе здесь, держали свиней, свою копильню, открыли маленькое кафе прямо на берегу Волги для рыбаков... И все было бы хорошо, если бы пять лет тому назад не погибла его жена Ванда. Так нелепо. Поехала в Саратов за покупками, с рынка возвращалась на станцию, стояла на остановке трамвая... И вдруг кто-то толкнул ее прямо под трамвай... Людей было много, трамвай долго не ходили... Знаете как, толпа, все норовят подойти ближе к подходящему трамваю... Кто-то не удержался. Навалился на нее, она была на каблуках, ногу подвернула... Словом, разрезало ее трамваем...

– Ужасная история, – нахмурилась Лиза. – Но вы-то откуда ее знаете? Вы же не местный...

– Мне рассказали ее в первый же вечер у Коха. Пригласили меня попить пивка с воблой, я и согласился. Думал, ну, забегаловка какая-то, ничего особенного. А как вошел, увидел, как чисто вокруг, как все красиво, стильно сделано... Музыка приятная играет (музыку никто из посетителей не имеет права заказывать, у Коха всегда звучит джаз или что-нибудь такое душевное, что любила его Ванда), пиво всегда свежее и холодное. Рыба сушеная первоклассная просто-таки! Кто не любит соленую рыбку, пожалуйста, тебе всегда поджарят ее на сковородочке или потушат карасиков в сметане. А уж какая копченая рыба – просто сказка!

– Вы так рассказываете, – вздохнула Глафира, – что так и хочется взглянуть на это заведение. Как хоть оно называется?

– Сейчас никак. Это раньше называлось «Ванда», а сейчас и вывески нет, «У Коха», вот как называется.

– Может, позвонить ему и спросить, есть ли у него места в его доме или гостинице?

– Говорю же, это не гостиница, а так, пристройка небольшая. Две комнаты с ванными, все как положено. Да чего звонить-то, когда через пять минут уже будем у него? Если все занято, он постелет наверху. На втором этаже, там он держит комнату для своих личных гостей.

Ровная гладкая дорога, по которой они ехали из утопающей в зелени окраины города в центр, спустя несколько минут уперлась в двухэтажное старинное здание, особнячок с современной пристройкой, и Лиза почему-то сразу догадалась, что это какое-то учебное заведение.

– Это и есть училище искусств. Наше все! – улыбнулся Данила, и вдруг Лиза все поняла.

– Скажите, Данила, а ведь вы наверняка женились на какой-нибудь музыкантше? Я права?

– Конечно! Вы бы видели мою жену, когда она только приехала сюда. Не девочка, а цветок. Помешана на музыке. Просто бредила музыкой. На меня вообще внимания не обращала. Родители ей сняли здесь квартиру, и она там с утра до ночи все занималась, занималась, барабанила по своим клавишам... Я к ней и так, и эдак... Совершенно непробиваемое создание. Упертая. Дисциплинированная. Серьезная. Словом, родители ей дали очень хорошее воспитание. В Саратовское училище поступить не смогла, там конкурс большой, так она здесь поступила, вы бы видели, как она была счастлива. Но ничего, бросила же в конце концов! Как в меня влюбилась, так все, конец пришел музыке. Музыкант – это не профессия. Музыкантов сейчас – как собак нерезаных. Она вот родит скоро, придет в себя, а потом поступит в Академию права, серьезное заведение.

Лиза расхохоталась.

– Да вы – тиран, Данила!

– Нет, просто я нормальный человек и понимаю, что к чему. Для общего развития ей это училище не помешало. Вполне может быть, что, не встретив она меня, она так и стала бы музыкантом, пианисткой и работала бы в каком-нибудь захолустье – в Озинках или Дергачах...

– Почему именно в Озинках или Дергачах?

– Да потому что истинных музыкантов, я имею в виду концертирующих, – раз-два и обчелся. В основном все выпускники работают в музыкальных школах, если же дальше хотят учиться, то поступают в консерваторию. А моя жена, она, как Ванда, предпочла музыке семью.

Проехав по бульвару мимо училища, они свернули на тихую пустынную улицу, и машина прибавила скорость. И уже минут через пять показалась другая окраина города, пост дорожной инспекции, миновав который они помчались вдоль шоссе до моста, под которым блестела розоватая в этот закатный час гладь реки, и, не доезжая до этого самого моста, резко свернули влево на накатанную узкую дорогу, поднырнувшую под шатер роскошных старых ив... И вскоре показался аккуратный, белый, с красной крышей и красными наличниками дом, окруженный белым ровным штакетником, за которым розовел в закатных лучах яблоневый сад. Лиза, выйдя из машины, залюбовалась отяжелевшими от крупных плодов ветвями. Перед черными коваными воротами уже стояло несколько припаркованных машин. В воздухе пахло жареной рыбой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.